

**Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:**

Брошь с черным опалом

Портрет девочки в шляпе

Королевская лилия

Крест Шарлотты

Антикварная история

Пруд с золотыми рыбками

Слеза Евы

Забытый аромат

Семейная реликвия

Красное солнце валькирии

Французское наследство

Нить наяды

Кукла Коломбины

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

К У К Л А
К О Л О М Б И Н Ы

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Дорош, Елена.
Д69 Кукла Коломбины : [роман] / Елена Дорош. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-203822-8

Нюрка Чебнева с детства мечтает стать заправским сыщиком, поэтому постоянно вмешивается в дела тятеньки — квартального надзирателя. И пусть она еще учится в гимназии, никто не может удержать Нюрку от участия в опасных расследованиях.

Отделение сыскальной полиции, которым руководит Афанасий Чебнев, расследует убийства, и в них есть нечто общее — каждый раз преступник оставляет рядом с жертвой небольшую изящную куклу. Конечно же, Нюрка сует свой курносый нос в это дело и очень скоро выясняет, что кукол мастерила известная актриса, танцовщица, подруга Анны Ахматовой — Ольга Судейкина. Но при чем здесь куклы? Если это послание, то для кого? И какое отношение жестокий убийца имеет к прекрасной Коломбине — Ольге?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203822-8

© Дорош. Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Где Олечка Судейкина, уввы,
Ахматова, Паллада, Саломея?
Георгий Иванов*

НЮРКА

Они не отставали от самой Лиговки.

Как ни петляла, как ни путала.

Упорные, гады!

Нюрка мчалась, как вспугнутый олень, но оторваться не получалось никак. Топот восьми или даже десяти ног настигал ее, как ни изворачивалась. Наконец, прошмыгнув кое-где дворами, она свернула с Преображенской на Кирочную и надала с новой силой. Кирочная — это почти что дома. Впереди замаячила чернота Таврического сада. Там, если что, можно будет нырнуть в кусты и затаиться. Эти из ГОПа — все здоровые, однако бегают не так быстро, как она. Ей-то всю жизнь от мальчишек драпать приходилось во все лопатки! Чай, привыкла!

Она оглянулась на бегу и поняла, что радовалась рано. Дома отсель не видать, а бандиты почти в затылок дышат. Ну как — саженьях в пятидесяти пока что...

Город как вымер. Ни конных разъездов, ни пеших патрулей. Как так? Выходит, жандармы

тоже по ночам спят. А говорили, что бдят сутки напролет! На Кировской казармы нижних чинов жандармского дивизиона расположены, так почему никого не видно? Был бы шанс, что бандиты отстанут.

Где-то впереди, кажется, на Парадной, профырчал таксомотор. Жаль, трамвай в этот час еще не ходят. Вскочила бы на площадку, только ее и видели! И прохожих никого, так что помощи не проси.

Да и не приучена она.

Сад уже не казался надежным убежищем. Если заметят, куда свернула, да нагонят... В кустах удавить человека проще, чем на улице. Сунут труп поглубже и поминай как звали. Найдут ее истлевшие останки где-нибудь к концу апреля, скажут тятеньке...

Нюрка чуть было не всплакнула на бегу, но передумала. Только разозлилась пуще. Врешь, не возьмешь!

Вдруг с Потемкинской ей навстречу повернули какие-то люди. Громко переговариваясь и смеясь, они прошли мимо, на несколько мгновений заслонив Нюрку от преследователей.

Один из прохожих шагал чуть сзади и в общем галдеже не участвовал. Шел, прикрываясь воротником от противного мартовского ветра. Нюрка налетела на него, с силой развернула к себе лицом и припала, повиснув на шее. Раздались топот, шумное дыхание и ругань. Бандиты из ГОПа приближались.

— Где эта шалава?! — крикнул один.

- Свернула куда-то!
- В сад! По кустам ищи!
- Не уйдет, тварь!

Они пробежали так близко, что Нюрка зажмурилась. Бандиты покрутились, оглядываясь, и в самом деле рванули в сад.

Дрожа всем телом, Нюрка повисела на незнакомой шее еще немного и потихоньку сползла на землю, готовясь к нахлобучке. Хорошо, если только отругает. А ну как городского позовет? В участок, конечно, лучше, чем к бандитам на нож, но все равно не хочется. Опять же тятенька прознает...

И тут, к своему удивлению, Нюрка заметила, что прохожий вовсе не думает негодовать и возмущаться. Мало того, распахнув пальто, он прикрыл ее полрой, а рукой — нет, даже двумя — обхватил, прижимая крепче.

Спрятал, одним словом.

Нюрка подняла глаза и увидела перед собой худое темное лицо. Странные льдистые глаза смотрели без улыбки и внимательно. Как будто изучали.

— Простите, дяденька, — выдохнула Нюрка.

— Рад оказаться полезным, — серьезно ответил господин и, отпустив ее, приподнял шляпу.

Ветерок колыхнул курчавые волосы надо лбом.

Он хотел сказать что-то еще, может быть, спросить, но тут из сада послышались голоса ее преследователей.

— Спасибо вам, век не забуду, — шепнула прохожему Нюрка и, не мешкая ни секунды, сорвалась с места.

Теперь уж точно не видать ее бандитам, как своих ушей!

Дома встретила грозная Фефа.

— Ты где это шаталась, бесстыдница? Тятенька извелся весь! Всю ночь не спавши! Капли три раза пил! Даже четыре!

— Да не кричи ты так, Фефа. Вот же я. Жива и здорова, — скидывая пальтишко, отбивалась Нюрка.

Та уперла руки в крутые бока.

— Ты-то жива! Ты-то здорова! А нас с Афана-сием Силычем уже соборовать пора!

— Незаметно, что ты при смерти, — съязвила Нюрка и этим навлекла на себя новый поток праведного гнева.

— Ах ты, безбожница! Смерти моей желаешь? И так все нервы истерзаны до самой невозможности! Безобразница ты! Разбойница с большой дороги! Злодейка! — зашлась Фефа. — Вот погоди ужо! Возьмет тятенька ремень да всыплет по мягкому месту! Тогда узнаешь!

В комнате тятеньки зажегся свет. Разбудила все-таки, крикунья!

Нюрка свирепо взглянула на няньку.

— И нечего на меня очи бесстыжие тарачить! — тут же бросилась в новую атаку та. — А если мы уже без надобности, если мы уж и спросить ничего не имеем права, так пусть тебя святые угодники покарают за такое к нам отношение!

Этот заход был из традиционных, и Нюрка поняла, что сейчас в дело пойдут слезы. Она хотела

было прошмыгнуть мимо Фефы в кухню, но тут в коридор вышел тятенька. Одетый.

— Нюра, где ты пропадала? — строго спросил он.

Голос его, однако, дрожал. Нюрке немедля стало совестно, и она принялась вдохновенно врать:

— Тятенька, простите меня. И ты, Фефа, прости. Я у Краюхиных на Васильевском засиделась. На следующей неделе в гимназии испытания по математике. Сам знаешь, Зина в ней сильна. Вот и предложила меня подготовить получше. Мы и не заметили, как время разводить мосты пришло. Как я ни сокрушалась, а делать-то нечего! Уж вы простите меня, бестолковую!

Нюрка прижала к груди обе руки и сложила губы скобочкой. На глазах выступили покаянные слезы. Фефе сразу стало жалко дитятко.

— А поесть Краюхины тебе дали?

— Супу полную тарелку налили и чай с пряниками!

— А спала не на полу? На полу простудиться — раз плюнуть!

— Нет, мы с Зиной легли. У нее в комнате тепло.

Тятенька Афанасий Силыч их диалог выслушал молча и — Нюрка и секунды не сомневалась — не поверил ни единому слову.

Наконец он прервал слезливые сетования Фефы и велел ставить самовар.

— Я не хочу есть, тятенька.

— Ну, ты в гостях наелась, а нам кусок в горло не лез. Так что пойдете чай пить, — заявил он и первый пошел в кухню.

Фефа тут же засуетилась, бросилась собирать на стол. Нюрка, как ни хотелось ей забраться под одеяло и хорошенько обдумать все увиденное и услышанное, поплелась следом.

Чай с сухарями и кислым яблочным повидлом, что Фефе каждый год привозили из деревни, пили молча.

Афанасий Силыч злился на дочь и все репетировал про себя, что и как скажет ей, когда останутся вдвоем. Нюрка, кажется, чуяла, что гроза еще не миновала, и поглядывала на отца с опаской. А Фефа, отошедшая наконец от страха, просто получала удовольствие и, прихлебывая душистый — тридцать копеек осьмушка — чай, гадала, пришлют ли нынче осенью из деревни сушёных грибов.

После чаепития Нюрка наконец прошмыгнула в свою комнатенку, но перевести дух не удалось.

— Ну, выкладывай начистоту, где была, — с угрозой в голосе сказал тятенька, входя к ней и закрывая за собой дверь.

Нюрка посмотрела на отца и решила во всем признаться:

— Следила. За теми. Из ГОПа.

— Рехнулась? — ахнул Афанасий Силыч и, обессилев, сел на табуретку возле двери. — Да ежели бы они дознались...

— Ну не дознались же. Я в собачьей будке сидела. Той, что у сторожки стоит.

Тятенька схватился рукой за сердце.

— Да не волнуйтесь так! — заторопилась Нюрка. — Пес-то у них еще третьего дня с цепи сорвался и сбежал. Я в рогожу закуталась, что у сторожа в сарае нашла, спряталась и все как есть видела: кто входит, кто выходит.

Тятенька вытер пот с побледневшего лица. Нюрка пододвинула стул и села напротив, чтобы разговор не услышала вездесущая Фефа.

— Вы послушайте, чего я вызнала. Тот, кого они Биндюжником кличут, у них за главного. Он ворованное со всех собирает и в морской порт отвозит. Там у них кто-то свой есть. Про него не знаю, только сдается мне, что завтра ночью все решится. Встреча у них недалеко от таможни. Доложите немедленно начальству. Пусть пошлют в порт кого надо и засаду устроят.

— Ишь ты, быстрая какая! — шепотом рассердился тятенька. — Да как я начальству объясню, откуда все узнал?

— Скажете, что следили за ними. Так ведь и есть.

— Ох, Нюра, задала ты мне работу! А ну как начальство не поверит и прикажет доказательства привести?

— Поверят. Перескажете их разговор. Я запишу на бумаге, чтоб вы не перепутали. Там имена и то, о чем договаривались.

— И как ты умудрилась все расслышать, не понимаю? — засомневался Афанасий Силыч. — Они что же, у самой будки стояли?

— Да нет же! Я... — начала Нюрка и осеклась. Тятенька взглянул пристально.

— Так ты не все мне рассказала? Утаила?

— Ну, если только самую малость. Я прямо к ним пробралась.

— Куда это к ним?

— В «Городское общество призора» на Лиговском. Хотела поподробнее все разузнать. В комнате человек пять было, а потом еще девятеро подошли. Большая у них шайка.

— Так как же они тебя не заметили?

Заметили. Еще как заметили. Неосторожность стубила. Пока она пряталась под рогожей в углу среди всякого барахла и поломанной мебели, все было хорошо. Одна беда: слышать плохо. Вот и решила поближе к двери подлезть. Несколько минут с успехом подслушивала и подглядывала. Но тут в коридорчике появился один из шайки и чуть было ее не сцапал. Хорошо, что не растерялась и заехала нападавшему изо всех сил ботинком между ног. Пока тот визжал, успела выскочить и дала деру. Как же она бежала! А они всей гурьбой за ней! Если бы не тот со странными глазами, не унести ей ноги.

— Нюра, — заглянул в лицо Афанасий Силыч, — чего ты натворила?

— Ей-богу, ничего, тятенька! Я просто... дозвоьте быстрее все запишу, а то перезабуду половину, а вам потом отдуваться.

Тятенька только головой помотал.

— Ну, Нюрка! Допрыгаешься ты! Уж сто раз говаривал: не лезь ты в наши дела! Ты ведь обещала!

— Ой, простите меня, тятенька! Я просто помочь хотела! Думаю, вот раскроете дело, вас и похвалят. Будете на хорошем счету.

— А ежели тебя убьют? Что я тогда делать буду? Чем утешаться? Хорошим счетом?

— Да что вы такое говорите! Убьют! Выдумали тоже!

— А что, скажешь, быть того не может? Ты девица молодая, а преступники, они знаешь какие бывают?

Знает она, какие преступники бывают. Не однажды свидетелем была. А один раз и сама чуть не попала, как кур в ощиц. Только тятеньке лучше на этот счет в неведении оставаться. Прознает что, мигом запрет на сто замков. А ей взаперти сил нет жить. Ей...

— Нюрка, ты меня не слышишь, что ли? — прервал ее мысли тятенькин голос.

— Задумалась малость, простите.

— Уж не о том ли, чтобы ночью в порт отправиться?

— Нет! Что вы! Я и так страху натерпелась! Теперь меня из дому калачом не выманишь!

Нюркины глаза — и так вполлица — расширились еще больше. Того и гляди из глазниц выскочат от желания свою честность показать.

Афанасий Силыч только рукой махнул и вышел вон из дочкиной комнаты.

И в кого она такая уродилась? Как пить дать не в него.